УДК 94(571.56) «17»

ББК 63.3(2Рос.Яку)51

DOI 10.31554/2222-9175-2019-34-34-42

А. А. Борисов

ЯКУТСКИЙ УЛУС: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

В кочевой среде евразийских степей издревле развивался улус как особая форма социальной и потестарной организации. Такой статус был обусловлен хозяйством и образом жизни. В работе дискутируется проблема существования улуса у тюркских и монгольских народов как альтернативный путь политогенеза. На примере якутского улуса в сравнительно-историческом плане анализируются некоторые важнейшие особенности улусной системы. Возникнув как семейная или клановая группа, кочующая совместно, улус на протяжении веков развивался в более крупные таксоны, сопоставимые не только с племенной организацией, но и с вожжеством и государством. Якутский улус пережил на протяжении XVIII в. период восстановления на новой основе, связанной с областной политикой Российского государства.

Ключевые слова: тюркский и монгольский улус, особенности, кочевники, якуты, потестарная организация, сравнительный анализ, реконструкция, альтернатива.

A. A. Borisov

YAKUT ULUS: THE EXPERIENCE OF HISTORICAL RECONSTRUCTION

The nomads of the Eurasian steppes since ancient times formed the ulus as a special form of social and power organization. This status was due to the special economy and lifestyle. In the work discussed the problem of the existence of the ulus of the Turkic and Mongolian peoples as an alternative way of politogenesis. On the example of the Yakut ulus some important features of the ulus system are analyzed in the comparative historical aspect. Having emerged as a family or clan group leading a nomadic life together, the ulus has evolved over the centuries into larger unit comparable not only to tribal organization but also to chiefdom and state. Yakut ulus was restored during the XVIII century on a new basis related to the regional policy of the Russian state.

Keywords: Turkic and Mongolian ulus, features, nomads, Yakuts, power organization, comparative analysis, reconstruction, alternative.

Улус как форма социальной и потестарной организации универсален для всех без исключения тюркских и монгольских народов. Истоки его уходят в очень отдаленное прошлое. Ныне это слово носит различные смыслы: «народ», «страна», «объединение племен» или просто «племя», «удел», «государство», «национальность», «люди», наконец, такие достаточно специфические политические значения, как «династия» и «империя» [Севортьян 1974: 592]. По-видимому, изначальное архаичное значение термина соответствовало определению «группы семей или кланов, кочующих совместно», как, например, у печенегов отмечено деление

БОРИСОВ Андриан Афанасьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории и этносоциологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН» (Якутск, Россия). E-mail: a_a_borisov@mail.ru.

на 8 орд, каждая из которых состояла из 40 улусов [Федоров-Давыдов 1973: 137; Чертков 1843: 192].

Хотя в ранней литературе (до начала XX в.) не встречалось специальных исследований улуса, но уже в словаре Л. З. Будагова улус – это, во-первых, народ, армия, провинции, подчиненные хану; во-вторых, владение, а сам термин происходит от понятия «народ» [Будагов 1869: 89]. Со времен Чингисхана члены «царствующего рода» имели право на «улус» (владение определенным количеством племен), «юрт» (территориальный удел) и «инджу» (доход, покрывавший расходы на содержание его двора и войска) [Бартольд 1968: 627].

Разрастание кочевого клана приводит к возникновению «родового государства» [Харузин 1903]. В классическом труде В. Я. Владимирцова «улус» рассматривает как «народ – государство» и как удел [1934: 98–99]. Начиная с этого времени дискуссии велись вокруг понятия «кочевой феодализм» и политогенез кочевников связывался с классообразованием [Крадин, Скрынникова 2006: 19–26]. Л. П. Лашук проследил эволюцию тюркского союза родственных племен – «будун» к «большому племени» – «элю-илу», с одной стороны, и от союза родов монголов – «иргэн» до улуса в том же значении, что и «эль» – с другой [1976: 31–33]. Он предложил называть его начиная с XII–XIII в. «народом, объединенным в таком-то уделе под властью аристократического рода с ханом во главе» [Там же: 37].

Г. А. Федоров-Давыдов на примере анализа улусной системы Золотой Орды пришел к выводу, что в XIV–XVII вв. понятия «тумэн», «иль» и «улус» постепенно слились, кроме того, со ссылкой на Рашид-ад-Дина последний интерпретировался как «народ, население, данное в удел». Все владения чингизидов названы в грамоте Гуюк хана папе римскому в 1246 г. как «улуг улус» – «великий улус» [Федоров-Давыдов 1973: 110–124, 158]. Например, в XV в. у предков узбеков слово «улус» использовалось совместно с термином «иль (эль)», например, с именем собственным: «иль ва улус-и Абулхайр-хан», а также с наименованием подвластного населения «иль ва улус-и узбек» [Кляшторный, Султанов 2000: 193–195].

В более позднее время в Джунгарии «ойратские хотоны объединялись в аймаки, аймаки – в улусы. В Ойратском ханстве в XVII в. было четыре крупных улуса, объединявших торгоутов, хошоутов, дэрбэтов и хойтов» [Златкин 1957: 9–10]. С присоединением к Русскому государству сначала тюрков Поволжья и Северного Кавказа (татар, башкир, ногайцев), а затем тюрков и монголов Сибири (сибирских татар, якутов, хакасов, алтайцев, бурят) улусы стали превращаться в «кантоны», «ведомства», «ясачные волости», которые управлялись биями, тойонами, нойонами, зайсанами. В источниках вновь стало проступать древнее значение группы семейных кланов, совместно осуществлявших кочевку [Брокгауз, Ефрон 1890–1907: 698–700; Сафронов 1982: 13; Самаев 1991: 241; 2005: 11; Борисов 2010: 81].

Улус у монголов в XV–XVII вв. рассматривался как крупное феодальное владение, а в маньчжурский период – как народ [Владимирцов 1934]. После маньчжурского завоевания улусы, тумэны и отоки были упразднены и монголы были разделены на мелкие группы – хошуны [История... 1983: 212].

Род, линидж, конический клан, племя, вождество и государство – основные операционные понятия и термины зарубежной нomaдологии [Barfield 2003: 20–35; Крадин, Скрынникова 2006: 26–464; Ди Космо 2008: 181–226; Роджерс 2008: 144–180; Шираиси 2008: 239–251; Барфилд 2009; Enkhtuvshin 2012: 24; Ganbaatar 2012: 99–106; и др.].

Е. И. Кычанов и Л. Билегт считают, что улус не может интерпретироваться как «племя», так же как и «обог» [Кычанов 2010: 215–216; Билегт 2005: 96]. По мнению первого, со ссылками на Б. Я. Владимирцова, С. А. Козина, Намуюня, у монголов

«люди со скотом и имуществом были важнее земли. Уход и потеря людей превращали улус просто в *иркен* – людей», «улус – это не просто люди, а особым образом организованный народ»; по выражению же второго, «слова *род* и *племя* могут быть использованы только как тривиальные (общепринятые) названия».

Широкий спектр мнений в отечественной и зарубежной историографии обусловлен своеобразием политических институтов кочевников Евразии, их образом жизни. Это своеобразие чаще всего заставляет говорить об альтернативе социального и политического развития кочевников – тюрков и монголов. В качестве подобной альтернативы в современной историографии дискутируется концепция вожества (от англ. *chiefdom*) [Ранние... 1995].

Такие важнейшие признаки вожества, как надлокальная централизация, отсутствие узаконенной власти, которая монопольно применяет насилие, но взамен ее существование иерархии и института контроля, четкая социальная стратификация, вертикальная редистрибуция, общая идеологическая система, ограниченность полномочий правителя апробируются на примере различных, в т. ч. кочевых, обществ [Хазанов 1968: 87–97; Васильев 1981: 157–175; Крадин 1992; Трепавлов 1993; Коротаев: 1998; Крадин, Скрынникова 2006 и др.]. Детерминированность вожества от линейного пути к государству привела к признанию альтернатив вожества – горских «вольных обществ» и античных полисов, имевших неиерархические формы правления. По-видимому, следует и об улусе говорить как об альтернативе вожеству.

Во главе улуса стоит избранный Небом хан, живущий в «орде» – ставке, в окружении своего рода или клана, нойонов и нукеров («кэшик») – гвардии или дружины. Улус рассматривается как государство, но со спецификой, присущей кочевым обществам [Кычанов 2010: 301–341].

Якуты – самый северный анклав тюрко-монгольского нomaдизма. Сочетание горнотаежных, таежных массивов с «аласными» анклавами и долинами рек Лены, Вилюя, Амги, пригодными для занятий скотоводством и коневодством, наложили отпечаток не только на их культуру, но и на социальную и политическую организацию. Образ жизни якутов не может напрямую сопоставляться с классическими кочевниками евразийских степей, такими как древние тюрки, печенеги, монголы или ойраты-джунгары. Тем не менее среди других народов степной традиции есть примеры, заметно сближающие их образ жизни с якутским. Это западные буряты, хакасы, некоторые группы средневековых монголов, также вынужденные жить на границе леса и степи. Предки якутов помимо всего прочего унаследовали от древних насельников приленской тайги традиции охоты, рыболовства, оленеводства. Приходится также учитывать, что начальная фаза подобного культурного симбиоза уходит далеко вглубь веков.

Вспомним также, что еще более древние кочевники – хунны в Забайкалье, правящий род древних тюрков Ашина, род Темучжина, будущего Чингисхана – сочетали скотоводство с охотой.

Якуты – народ, стоящий на границе тюрко- и монголосфер. Принято считать, что формирование его происходило на средней Лене в XII–XV вв. с участием местных древних палеоазиатских групп, на базе ранних монголоязычных переселенцев и древнетюркских субстратов, вступивших в этнические контакты с более поздними выходцами с юга – средневековыми тюрками Южной Сибири [Алексеев 1996; Гоголев 1993].

Соответственно, и улус в подобных условиях развивался с некоторыми особенностями. Основная масса якутов-скотоводов была расселена в аласных зонах средней Лены, что подразумевало дисперсный характер расселения. В каждом ала-

се могло проживать не более двух семей (*ыалов*). Причем хозяйства переходили с зимних поселений (*кыстыков*), где они проводили большую часть года (более 200 дней), на летники (*сайылыки*), затем на осенники (оторы). Такой образ жизни можно назвать полуоседлым или полукочевым. При этом обычными были перекочевки на 3, 5, 10 и даже несколько десятков километров. Также в случае *суут дьыл* (неурожайных лет) изменялись привычные места расположения зимников. Лишенные кормов для скота якуты могли перейти жить поближе к прибрежным районам Лены или Амги. Очевидно, что в самые ранние времена такие передвижения были нормой.

Ыал – семейное хозяйство, несмотря на свою известную самодостаточность, не могло быть предоставлено само себе, хотя бы потому что нуждалось в защите от внешних врагов: иноплеменников или враждебных кланов. Кроме того, хозяйственные потребности заставляли кооперироваться во время сенокоса, когда нужно было заготавливать корма для скота на зимовку. Как правило, для этих целей объединялись близкородственные *ыалы* отца и его женатых и уже отделившихся сыновей, семьи братьев, кузенов и т. д. Также объединение сил необходимо было в сезон охоты (например, на уток, зайцев), рыбалки (осенней «мунхи»), торговых предприятий (целые караваны направлялись, например, к тунгусам или еще дальше). В таких случаях собирались уже десятки и даже сотни людей. Понятно, что прежде всего вступали в коалицию кровнородственные семьи (*аймахы*), агнаты, которые принадлежали к роду отца – *ага ууса*. Их русские документы XVII в. называли «родами» или «волостями». Во главе «волостей» стояли *тоены* (по русским документам XVIII в. – *тойоны*). Это были крупные скотоводы, владельцы сотен голов скота, многочисленных табунов лошадей, многих сенокосных угодий. Так как якутские лошади проводили круглый год под открытым небом, прерогативой *тойонов* были контроль и распределение пастбищ. Как главы больших семей, они занимали центральное место в «родовой» иерархии. В якутских генеалогиях, как правило, у истоков того или иного *ага ууса* стоят *тойоны*, жившие несколько поколений назад. Они обладали правом того, что мы называем публичной властью. Индикатором ее является поведение якутской элиты во второй половине XVII – середине XVIII в., стремившейся вернуть утраченную в результате присоединения Якутии к Русскому государству судебную власть. По специальным царским указам им было разрешено участвовать в судебных исках размером до 5 руб. (1677), «суд давать и расправу чинить» в исковых делах 10–20-летней давности (1685), право разбора «малых дел» самостоятельно (1751) [Токарев 1940: 85; Иванов 1966: 353, 356].

В 1680 г., согласно очередному царскому указу, три якутских *тойона* получили звание «улусных князцов» в своих волостях. Это Чука Капчинов, внук Логуя Амыканова из Борогонской волости, Чугун Бодоев из Мегинской волости, Мазары Бозеков, внук Тыгына из Кангаласской волости [Иванов 1966: 354–355]. Другими словами, официально были признаны их властные права в масштабе своих улусов. Не удивительно, ведь в первые годы прихода русских к якутам активно применялась терминология, связанная с улусной системой, известной русским по их взаимоотношениям с тюрками и монголами Поволжья и Сибири: «С кангаласского князца с Еюка да с отца ево с Ники и с их роду и с улусных людей», «с намского князца с Мымака з детьми и улусными людьми», «лутчие якуты Бакчигир Борсуев з братьями и улусные иво люди...» [Токарев 1945: 170].

В 1636 г. кангаласские якуты, «собрав своего войска ста с четыре и под Ленским острожком погромили государевых ясачных людей и князца Логуя жены и дети и улусных его людей побили и лошади, и скот отогнали», а затем «под острогом улусы погромили и побили и в полон ясачных людей человек с двадцать и скот

многой отогнали», – говорится в одном документе [Токарев 1940: 48; 1945: 12; Ионова 1945: 73]. «И якуцкие люди из многих улусов Дубсунской волости сбежались в один улус», – читаем в другом документе [Токарев 1940: 42; Ионова 1945: 24]. В тот год в столкновениях служилые люди «убили лутчих де улусных людей князца Бачагыра ... да лутчих де улусных людей побили человек с пятьдесят опричь их кыштымов и женского полу» [Ионова 1945: 74].

Если ряд терминов, разобранных на примере улусной системы Золотой Орды, не были известны якутам, к примеру, «бек», «эмир» по причине связи их с исламским миром, а такие как «каан», «инак», «нойон» по их иноязычной природе, то другие понятия, такие как «юрт», «иль», «хан», «оглан», «бахадур», «нукер» «тумэн» [Федоров-Давыдов 1973: 43–67], могут быть прослежены на якутском материале. Так, «юрт» по-якутски «сурт» имеет тот же семантический смысл – «стойбище, место жительства, кочевая стоянка, летник, место пастьбы» [Пекарский 1959: 2365]. Другое значение – «страна, народ» – также сближает данное понятие с вышеназванными материалами. Так, слово «юрт» было близко по значению таким русским понятиям, как «земля», «страна» в землях бывшей Золотой Орды [Шакурова: эл. ресурс].

«Иль» (мир, согласие), «хан» (встречается в якутском эпосе), «оглан» (близко по смыслу с якутским «ого» – дитя), «бахадур» (боотур, баатыр) и, наконец, «нукер» («нохоо» – обращение старшего к младшему мужчине). Понятие «тумэн» как войсковое объединение незнакомо якутам, так же как и деление на правое и левое крылья, но оно может быть объяснено особенностями исторического развития данного народа. Их отдаленные предки, по-видимому, не участвовали в военных реформах, проходивших в степи, в частности, в древнетюркское время или в эпоху Чингисхана. Хотя общий смысл, например, первого понятия вполне переводится на якутский язык в смысле «сбора, концентрации сил»

«Юрт» – территория кочевий улуса в Codex Cumanicus (рубеж XIII–XIV вв.) на персидский язык переведено как «дом», на латинский – как «жилище», «место остановок». «Улус» в переводе на латинский «pars» – часть, на персидский – как «baïs» (бахш) – «доля» [Федоров-Давыдов 1973: 44]. Как мы убедились выше в тождестве «сурт» – «юрт», так же и перевод на латынь и фарси вполне укладывается в понимание якутами улуса как некоей части целого.

То же следует понимать под термином «дьон» – люди. По С. А. Токареву, якуты делились на племена – «джоны», численностью от 500 до 900 взрослых мужчин, т. е. 2–5 тыс. чел. каждое [1940: 16–17]. Меньшие по численности группы насчитывали по 100–200 мужчин или 400–1000 чел. [Там же: 17]. Якутские «дьон» и «улус» соотносятся также с монгольскими «иргэн» и «улус» [Крадин, Скрынникова 2006: 101–103] как общие с частным. В первой позиции – это «народ», а во второй – «часть его, принадлежащая кому-то из владетельных князей».

Тот факт, что в 1720-х гг. из 35 бывших якутских волостей было образовано 5 улусов [Сафронов 1987], не случаен. Обозначившиеся центры притяжения – Кангаласский, Намский, Борогонский, Батурусский и Мегинский улусные объединения – поглотили все прочие, менее значимые. Наконец, во второй половине XVIII в. царское правительство официально ввело якутскую улусную систему в структуру инородческого управления в составе Якутской области. Вначале улусы были оформлены только в Якутском уезде, затем к началу XIX в. улусы были введены в остальных четырех уездах, которые стали называться округами: Верхоянский, Колымский, Олекминский, Оленский (Вилуйский). Улусные властные структуры (князцы, улусные головы) с 1778 г. были поставлены под контроль областных комендантов/начальников и окружных комиссаров/исправников.

Литература

- Алексеев А. Н.* Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья / А. Н. Алексеев. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 96 с.
- Алтайцы (Материалы по этнической истории) / сост. Н. В. Екеев. – Горно-Алтайск: Изд-во А. Орехов, 2005. – 176 с.
- Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5 / В. В. Бартольд. – М.: Восточная литература, 1968. – 759 с.
- Барфилд Т. Дж.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / Т. Дж. Барфилд; пер. с англ. – СПб.: Нестор-история, 2009. – 488 с.
- Билегт Л.* К вопросу о племенной организации общества монголов X–XII вв. / Л. Билегт // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – С. 86–97.
- Борисов А. А.* Социальная история якутов в позднее средневековье и новое время / А. А. Борисов. – Новосибирск: Наука, 2010. – 272 с.
- Брокгауз Ф. А.* Энциклопедический словарь. В 86 т. Т. XXXIVa / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1890–1907.
- Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1 / Л. З. Будагов. – СПб., 1869. – 810 с.
- Васильев Л. С.* Протогосударство-чифдом как политическая структура / Л. С. Васильев // Народы Азии и Африки. – 1981. – № 6. – С. 157–175.
- Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б. Я. Владимирцов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – 224 с.
- Гоголев А. И.* Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры) / А. И. Гоголев. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 200 с.
- Ди Космо Н.* Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии / Н. Ди Космо // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – С. 181–226.
- Златкин И. Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии / И. Я. Златкин. – М.: Восточная литература, 1957. – 299 с.
- Иванов В. Н.* Социально-экономические отношения у якутов. XVII век / В. Н. Иванов. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1966. – 424 с.
- Ионова О. В.* Из истории якутского народа / О. В. Ионова. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1945. – 112 с.
- История МНР / Ш. Нацагдорж и др. – М.: Наука, 1983. – 661 с.
- Кляшторный С. Г.* Государства и народы евразийских степей. Древность и Средневековье / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 320 с.
- Коротаев А. В.* Общие тенденции и факторы эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена (X в. до н. э. – XX в. н. э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А. В. Коротаев. – М., 1998. – 47 с.
- Крадин Н. Н.* Кочевые общества / Н. Н. Крадин. – Владивосток: Дальнаука, 1992. – 240 с.
- Крадин Н. Н.* Империя Чингис-хана / Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – М.: Восточная литература РАН, 2006. – 557 с.
- Кычанов Е. И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд. / Е. И. Кычанов. – СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. – 364 с.
- Лашук Л. П.* Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников / Л. П. Лашук // Советская этнография. – 1976. – № 4. – С. 25–39.
- Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Т. II / Э. К. Пекарский. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 2508 с.
- Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / отв. ред. В. А. Попов. – М.: Восточная литература, 1995. – 350 с.
- Роджерс Д.* Причины формирования государств в восточной Внутренней Азии / Д. Роджерс // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – С. 144–180.

Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России / Г. П. Самаев. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского кн. изд-ва, 1991. – 256 с.

Сафронов Ф. Г. Якуты. Мирское управление в XVII – начале XX века / Ф. Г. Сафронов. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1987. – 128 с.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные) / Э. В. Севортян. – М.: Наука, 1974. – 766 с.

Токарев С. А. Очерк истории якутского народа / С. А. Токарев. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. – 248 с.

Токарев С. А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. / С. А. Токарев. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1945. – 414 с.

Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности / В. В. Трепавлов. – М.: Восточная литература, 1993. – 168 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды / Г. А. Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 181 с.

Хазанов А. М. Военная демократия и эпоха классообразования / А. М. Хазанов // Вопросы истории. – 1968. – № 12. – С. 87–97.

Харузин Н. Н. Этнография. Вып. III. Собственность и первобытное государство / Н. Н. Харузин. – СПб.: Гос. типогр., 1903. – 331 с.

Чертков А. Описание войны большого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг. / А. Чертков. – М., 1843. – 294 с.

Шакурова Ф. Башкирские волости-улусы в XVI – первой половине XVIII в. [Электронный ресурс] / Ф. Шакурова. – Режим доступа: <http://www.central-eurasia.com/expert/?uid=1619> (дата обращения: 10.01.2015).

Шираиси Н. Этапы кочевых государств монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3 / Н. Шираиси. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – С. 239–251.

Barfield Tomas J. Something new under the sun: the Mongol Empire's innovations in steppe political organization and military strategy / Tomas J. Barfield // Chinggis Khaan and contemporary era. Ulaanbaatar, 2003. – P. 20–35.

Ganbaatar Ya. The formation of the first state in Central Asia / Ya. Ganbaatar // Hunnu. – Ulaanbaatar, 2012. – P. 99–106.

Enkhtuvshin B. Issue of the establishment of Mongolian state and statehood tradition / B. Enkhtuvshin // Hunnu. – Ulaanbaatar, 2012. – P. 11–24.

References

Alekseev A. N. Drevnyaya Yakutiya: zheleznyj vek i epoha srednevekov'ya / A. N. Alekseev. – Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1996. – 96 s.

Altajcy (Materialy po etnicheskoj istorii) / sost. N. V. Ekeev. – Gorno-Altajsk: Izd-vo A. Orehov, 2005. – 176 s.

Bartol'd V. V. Sochineniya. T. 5 / V. V. Bartol'd. – М.: Vost. lit-ra, 1968. – 759 s.

Barfild T. Dzh. Opasnaya granica: kочеvye imperii i Kitaj (221 g. do n. e. – 1757 g. n. e.) / T. Dzh. Barfild; per. s angl. – SPb.: Nestor-istoriya, 2009. – 488 s.

Bilegt L. K voprosu o plemennoj organizacii obshchestva mongolov X–XII vv. / L. Bilegt // Mongol'skaya imperiya i kочеvoj mir. Kn. 2. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2005. – S. 86–97.

Borisov A. A. Social'naya istoriya yakutov v pozdnee srednevekov'e i novoe vremya / A. A. Borisov. – Novosibirsk: Nauka, 2010. – 272 s.

Brokgauz F. A. Enciklopedicheskij slovar'. V 86 t. T. XXXIVa / F. A. Brokgauz, I. A. Efron. – SPb., 1890–1907.

Budagov L. Z. Sravnitel'nyj slovar' turecko-tatarskih narechij. T. 1 / L. Z. Budagov. – SPb., 1869. – 810 s.

Vasil'ev L. S. Protogosudarstvo-chifdom kak politicheskaya struktura / L. S. Vasil'ev // Naro-dy Azii i Afriki. – 1981. – № 6. – S. 157–175.

Vladimircov B. Ya. Obshchestvennyj stroj mongolov. Mongol'skij kochevoj feodalizm / B. Ya. Vladimircov. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1934. – 224 s.

Gogolev A. I. Yakuty (problemy etnogeneza i formirovaniya kul'tury) / A. I. Gogolev. – Yakutsk: Izd-vo YaGU, 1993. – 200 s.

Di Kosmo N. Obrazovanie gosudarstva i periodizaciya istorii Vnutrennej Azii / N. Di Kosmo // Mongol'skaya imperiya i kochevoj mir. Kn. 3. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2008. – S. 181–226.

Zlatkin I. Ya. Ocherki novoj i novejshej istorii Mongolii / I. Ya. Zlatkin. – M.: Vostochnaya literatura, 1957. – 299 s.

Ivanov V. N. Social'no-ekonomicheskie otnosheniya u yakutov. XVII vek / V. N. Ivanov. – Yakutsk: Yakutskoe kn. izd-vo, 1966. – 424 s.

Ionova O. V. Iz istorii yakutskogo naroda / O. V. Ionova. – Yakutsk: Yakutskoe kn. izd-vo, 1945. – 112 s.

Istoriya MNR / Sh. Nacagdorzh i dr. – M.: Nauka, 1983. – 661 s.

Klyashtornyj S. G. Gosudarstva i narody evrazijskikh stepej. Drevnost' i Srednevekov'e / S. G. Klyashtornyj, T. I. Sultanov. – SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000. – 320 s.

Korotaev A. V. Obshchie tendencii i faktory evolyucii social'no-politicheskikh sistem Severo-Vostochnogo Jemena (X v. do n. e. – XX v. n. e.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk / A. V. Korotaev. – M., 1998. – 47 s.

Kradin N. N. Kochevye obshchestva / N. N. Kradin. – Vladivostok: Dal'nauka, 1992. – 240 s.

Kradin N. N. Imperiya Chingis-hana / N. N. Kradin, T. D. Skrynnikova. – M.: Vostochnaya literatura RAN, 2006. – 557 s.

Kychanov E. I. Istoriya prigranichnyh s Kitaem drevnih i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov). 2-e izd. / E. I. Kychanov. – SPb.: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2010. – 364 s.

Lashuk L. P. Istoricheskaya struktura social'nyh organizmov srednevekovykh kochevnikov / L. P. Lashuk // Sovetskaya etnografiya. – 1976. – № 4. – S. 25–39.

Pekarskij E. K. Slovar' yakutskogo yazyka. T. II / E. K. Pekarskij. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1959. – 2508 s.

Rannie formy politicheskoy organizacii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti / otv. red. V. A. Popov. – M.: Vostochnaya literatura, 1995. – 350 s.

Rodzher D. Prichiny formirovaniya gosudarstv v vostochnoj Vnutrennej Azii / D. Rodzher // Mongol'skaya imperiya i kochevoj mir. Kn. 3. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2008. – S. 144–180.

Samaev G. P. Gornyj Altaj v XVII – seredine XIX v.: problemy politicheskoy istorii i prisoeдинeniya k Rossii / G. P. Samaev. – Gorno-Altajsk: Gorno-Altajskoe otделение Altajskogo kn. izd-va, 1991. – 256 s.

Safronov F. G. Yakuty. Mirskoe upravlenie v XVII – nachale XX veka / F. G. Safronov. – Yakutsk: Yakutskoe kn. izd-vo, 1987. – 128 s.

Sevortyan E. V. Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye) / E. V. Sevortyan. – M.: Nauka, 1974. – 766 s.

Tokarev S. A. Ocherk istorii yakutskogo naroda / S. A. Tokarev. – M.: Gos. soc.-ekon. izd-vo, 1940. – 248 s.

Tokarev S. A. Obshchestvennyj stroj yakutov XVII–XVIII vv. / S. A. Tokarev. – Yakutsk: Yakutskoe kn. izd-vo, 1945. – 414 s.

Trepavlov V. V. Gosudarstvennyj stroj Mongol'skoj imperii XIII v.: problema istoricheskoy preemstvennosti / V. V. Trepavlov. – M.: Vostochnaya literatura, 1993. – 168 s.

Fedorov-Davydov G. A. Obshchestvennyj stroj Zolotoj Ordy / G. A. Fedorov-Davydov. – M.: Izd-vo MGU, 1973. – 181 s.

Hazanov A. M. Voennaya demokratiya i epoha klassoobrazovaniya / A. M. Hazanov // Voprosy istorii. – 1968. – № 12. – S. 87–97.

Haruzin N. N. Etnografiya. Vyp. III. Sobstvennost' i pervobytnoe gosudarstvo / N. N. Haruzin. – SPb.: Gos. tipogr., 1903. – 331 s.

Chertkov A. Opisanie vojny bol'shogo knyazya Svyatoslava Igorevicha protiv bolgar i grekov v 967–971 gg. / A. Chertkov. – M., 1843. – 294 s.

Shakurova F. Bashkirskie volosti-ulusy v XVI – pervoj polovine XVIII v. [Elektronnyj resurs] / F. Shakurova. – Rezhim dostupa: <http://www.central-urasia.com/expert/?uid=1619> (data obrashcheniya: 10.01.2015).

Shiraisi N. Etapy kochevyh gosudarstv mongol'skih stepej // Mongol'skaya imperiya i kochevoj mir. Kn. 3 / N. Shiraisi. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2008. – S. 239–251.

Barfield Tomas J. Something new under the sun: the Mongol Empire's innovations in steppe political organization and military strategy / Tomas J. Barfield // Chinggis Khaan and contemporary era. Ulaanbaatar, 2003. – R. 20–35.

Ganbaatar Ya. The formation of the first state in Central Asia / Ya. Ganbaatar // Hunnu. – Ulaanbaatar, 2012. – R. 99–106.

Enkhtuvshin B. Issue of the establishment of Mongolian state and statehood tradition / B. Enkhtuvshin // Hunnu. – Ulaanbaatar, 2012. – R. 11–24.